

ГЛАВА 1

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЙЕМЕНА

ОСНОВНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Южный Йемен расположен в юго-западной части Аравийского полуострова. Во время проведения экспедиционных работ в 1986-1990 гг. Южный Йемен являлся самостоятельной страной (Народная Демократическая Республика Йемен), площадь которой составляла приблизительно 337 тысяч км² (часть сухопутных границ с Северным Йеменом и Саудовской Аравией и Оманом была не демаркирована), а население по переписи 1986 года насчитывало около 2 220 тыс. человек.

Южный Йемен в целом находится в зоне тропического климатического пояса, но климат различных частей страны неодинаков и отличается в зависимости от географической широты местности, высоты ее над уровнем моря и степени удаленности от побережья Индийского океана. Йемен — страна выжженных солнцем пустынных вулканических горных плато и разрезающих их глубоких долин (вади). Северную часть страны занимает зона континентальных пустынь — Рамлат-ас-Сабатейн и великая аравийская пустыня Руб-эль-Хали. В целом климат определяется воздействием муссонных ветров, год делится на два сезона — жаркий (средняя температура воздуха в Адене в июне + 40°) и относительно прохладный (средняя температура воздуха в Адене в январе + 24°). В прибрежной зоне очень высока влажность воздуха, она достигает в жаркий период 96%, в горной и пустынной континентальной области климат более сухой и прохладный. Климат очень засушливый, на всей этой огромной территории есть только один постоянный водоток в вади Хаджер, который в жаркий период часто пересыхает. Количество осадков очень мало, в некоторых районах страны годовой уровень осадков не превышает 35-55 мм, в горных районах до 200-300 мм в год. При этом, значение этих редких дождей огромно: в большинстве земледельческих районах они являются практически единственным источником влаги, которую йеменцы пытаются сохранить с помощью специальных ирригационных сооружений.

Административно НДРЙ делилась на шесть провинций (см. карту, рис. 1): Аден и Сокотра (в которую входила столица страны с пригородами и остров Сокотра), Лахдж, Абйан, Шабва, Хадрамаут и аль-Махра, а географически и по характеру рельефа [Александров 1976] — на прибрежную зону, центральное нагорье и вади Хадрамаут.

Прибрежная зона состоит из относительно узкой равнинной полосы вдоль побережья Аденского залива и выходящих местами к побережью невысоких горных образований. Часть этой территории, особенно в провинции Абйан, представляет собой плодородную равнину, на которой возде-

льваются тропические культуры (финиковые пальмы, манго, папайя, бананы, а также разновидность проса — дурра и овощные культуры). Большая же часть прибрежной полосы представляет собой песчаную или каменистую полупустыню, население которой занимается полукочевым скотоводством и рыболовством. В прибрежной зоне расположено также большинство относительно крупных, по йеменским масштабам, городов: Аден, Зинджибар, Мукалла, Аш-Шихр, Сайхут, Аль-Гейда и др.

Центральное нагорье представляет собой в основном так называемые столовые горы, вершины которых имеют форму усеченного конуса. Горные плато охватывают центральные и северные части провинций Лахдж, Абйан, Шабва и аль-Махра. В центральном нагорье некоторые вершины достигают высоты 2300—2500 м. На востоке страны в Махре нагорье существенно понижается. На севере провинций Шабва и Хадрамаут за нагорьем лежат пустыни Рамлат-ас-Сабатейн и Руб-эль-Хали. Население сосредоточено в долинах и небольших вади, где возможно занятие земледелием, но значительная часть населения — бедуины, кочующие по полупустынным плоскогорьям и долинам.

С северо-запада на юго-восток под небольшим углом к побережью протянулось вади Хадрамаут. К основному вади примыкает множество боковых, крупнейшие из них вади Дауан, Хаджер, Амд. В главном вади, также как и в боковых, расположено множество городов и поселений с прилегающими к ним сельскохозяйственными (искусственное и паводковое орошение) районами. В боковых вади и на плоскогорье вдоль вади расположены кочевые территории бедуинов.

ЗНАЧЕНИЕ ТОПОНИМА ЙЕМЕН, ПОНЯТИЯ ЮЖНЫЙ ЙЕМЕН, ХАДРАМАУТ

Географическое, историческое и административное понятие Йемен не совпадают. Поэтому следует, прежде всего, объяснить, что автор имеет в виду, употребляя этот топоним и его производные (Южный Йемен, Северный Йемен и т.п.). Название Йемен имеет арабское происхождение. Обычно указывают на два его возможных значения [см., например, Neuwirth-Dunne 1952; Steffen 1979]. Первый вариант перевода относится к слову «Yuma», что в переводе с арабского означает счастье, процветание. Возможно также, что название это происходит от слова «Yaman» — территория, лежащая вправо от области Хиджаз с городами Медина и Мекка (то есть, в конечном счете, по правую руку от главной мусульманской святыни Каабы).

Вопрос о том, какой из этих переводов правильный и, следовательно, откуда произошло название Йемен, трактуется разными авторами по-разному. Несомненно, этот вопрос связан и с древностью данного топонима. Если предположить, что правилен второй вариант, то понятие Йемен является относительно поздним и возникло в исламский период, то есть не ранее начала VII в. н.э. Первый же вариант перевода обычно связывают с названием, которое получила эта часть Аравии в античное время — Arabia Felix (т.е. Счастливая Аравия), в отличие от Хиджаза, называвшегося Arabia Petrea (т.е. Каменистая Аравия) и области, лежащей к северо-

востоку от Счастливой Аравии вплоть до Евфрата — Arabia Deserta (Пустынная Аравия).

Однако, в некоторых изданиях, посвященных истории Йемена, встречаются упоминания того, что и в древних сабейских текстах¹ эта земля называется «Yemenat» или «Yumnat» именно в значении «процветающая», «изобильная» страна. Таким образом, вполне вероятно, что такое представление об этом крае в античное время было не плодом воображения древних греков и римлян о процветании этой необычайно богатой страны, где растут благовония и пряности, а реальным отражением богатства и зажиточности самих ее обитателей.

Австрийский археолог и эпиграфист И.Глезер [см. Tarcici 1976] считал, что название Йемен в древнем мире употреблялось по отношению ко всей территории южной части Аравии, т.е. области, ограниченной на западе Красным морем, на востоке — Персидским заливом, на севере — современной провинцией Ассир (Саудовская Аравия), на юге — Аденским заливом Индийского океана. Если это и было так, то параллельно уже существовало такое понятие как Хадрамаут, так как это название [Ingrams 1949] также можно встретить в сочинениях античных авторов (страна «Адрамитта» и народ «андрамиты»). На древнееврейском языке оно звучало как Хазармавет (Библия, Книга судей, X, 26).

Исторические события колониальной эпохи в этой части Аравии привели к тому, что название Йемен до середины XX в. употреблялось в основном лишь по отношению к юго-западной части полуострова, то есть к области, ограниченной на юге Аденским заливом, на западе — Красным морем, на севере — Хиджазом и пустыней Ахаф, на востоке — Хадрамаутом [Playfair 1859]. Таким образом, в это понятие включалась в основном территория существовавшей до 1990 г. Йеменской Арабской Республики и провинций Лахдж и Аден Народной Демократической Республики Йемен.

Ситуация усложнялась тем, что довольно часто, особенно в английской научной литературе колониального периода, Йеменом называлась лишь северная часть страны, находившаяся под властью турок (затем ставшая с 1918 г. королевством Йемен, а с 1962 г. — Йеменской Арабской Республикой), английские же владения назывались Протекторатом Аден, который, в свою очередь, делился на Западный и Восточный протектораты.

В 1986–1990 гг., во время проведения исследований антропологической группой СОЙКЭ, на юго-западе Аравийского полуострова существовало две страны: Йеменская Арабская Республика (ЙАР) и Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ). Весной-летом 1990 г. произошло их объединение в единую Республику Йемен. Свои работы антропологическая группа, как и вся экспедиция, проводила на территории НДРЙ, которая в настоящем исследовании будет часто называться для краткости Южным Йеменом в отличие от Северного Йемена (ЙАР). После объединения этих двух стран в течение 1993–1994 гг. происходили трагические события, причиной которых была борьба за власть в стране между различными пар-

¹ Сабейские тексты — тексты, обычно высеченные на камнях храмовых и дворцовых построек на одном из древних южноаравийских языков — сабейском, языке древнего государства Саба.

тийными и племенными группировками. Эта борьба вылилась в гражданскую войну, в результате которой армейские подразделения северной части страны победили южную группировку. К сожалению, сведения о современном административном устройстве Республики Йемен практически отсутствуют.

Еще раз повторим, что в настоящем исследовании речь идет об антропологии территориальных групп Южного Йемена (то есть исследованных на территории НДРЙ) и употребляются названия тех административных единиц (провинций и округов), которые существовали в НДРЙ до весны 1990 г. Понятие Северный Йемен для краткости будет употребляться по отношению к бывшей территории Йеменской Арабской Республики.

Поскольку около половины материала по антропологии современного населения Йемена собрано в провинции Хадрамаут, необходимо остановиться коротко и на вопросе о том, что стоит за этим понятием. Оно также имеет разные толкования (историческое, историко-культурное, географическое, современное административное).

Административно это была одна из шести мухафез (провинций) Южного Йемена. Это самая большая провинция Южного Йемена по площади и численности населения. Она занимала почти половину территории бывшей НДРЙ и здесь проживало почти 30% населения.

Географически это вади Хадрамаут, то есть долина высохшей древней огромной реки, ограниченная по бокам высокими вертикальными стенками плоскогорья (джоуль). От своего «истока» неподалеку от Аль-Абра (где оно берет свое начало на высоте 914 м над уровнем моря) до «устья» в районе города Сайхут, вади Хадрамаут протянулось почти на 570 км. В верхней части его ширина достигает 64 км, но затем сужается до 6,5-8 км. Восточнее Тарима оно меняет свое название на вади Масилла («долина паводков») и выходит на побережье Аравийского моря на границе провинций Хадрамаут и аль-Махра в районе города Дис-аш-Шаргийя. К основному вади примыкает, особенно в верхней его части, множество ответвлений (боковых вади).

Для специалистов по древней истории Аравии Хадрамаут — древнее государство, которое существовало на территории, отчасти входящей в современную южнотиманскую провинцию Хадрамаут.

Нередко, особенно в трудах этнографов, лингвистов, исламоведов можно встретить несколько иное употребление термина Хадрамаут. Оно соответствует определению Хадрамаута, как особой историко-этнографической зоны Южной Аравии. Принципы выделения ее подробно описаны в работах сотрудников СОЙКЭ [Грязневич 1981, 1989; Родионов 1987, 1991, 1994]. Иногда употребляется при этом и термин «внутренний Хадрамаут», куда не включаются как прибрежная часть провинции, так и районы пустынных округов аль-Абр и Тамуд, находящихся севернее центральной части вади Хадрамаут. Внутри этой территории выделяются восточный (восточнее и юго-восточнее г. Тарим), центральный (города Сейун, Шибам и на запад до округа аль-Катн) и западный (куда входит население боковых вади Амд, Дауан, ал-Айн и плоскогорье между ними) своеобразные этнокультурные субареалы Хадрамаута.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЙЕМЕНА

В работе, посвященной антропологии древнего и современного населения Южного Йемена, конечно же нет необходимости приводить подробное и последовательное изложение исторических событий на этой территории. Этому вопросу посвящен ряд специальных исследований и уделено много внимания в книгах и статьях о Йемене [Александров 1976; Пиотровский 1985; Грязневич 1994; Шифман 1995; Playfair 1859; Ingrams 1949; Tarcici 1976; Bidwell 1983 и др.].

Однако, вероятно полезно дать читателю представление о некоторых ключевых моментах истории Йемена, так как ряд событий, происходивших здесь со времени возникновения на юге Аравии древних земледельческих государств (III-I тыс. до н.э.) и вплоть до наших дней, не мог не оказать существенного влияния на формирование антропологического состава его населения.

Прежде всего, необходимо сказать, что Южная Аравия была заселена уже древними гоминидами. Одними из первых, кто нашел здесь палеолитические орудия, были супруги У.-Х.Инграмс и Д.Инграмс, которые, наряду с выполнением функций представителей английской колониальной администрации при султанах Хадремаута, сделали необычайно много для изучения истории и этнографии страны. Первое профессиональное археологическое обследование Йемена было осуществлено в 1937–1938 гг. английской экспедицией, в состав которой входили Г.Катон-Томпсон, Ф.Старк и Е.Гарднер [Caton-Thompson, Gardner 1939]. Эта экспедиция обнаружила ряд палеолитических стоянок в Хадремауте (в долине Мукалы, на отрогах южной стены джоуля неподалеку от Тарима, в вадии Амд неподалеку от Хурейды и др.).

В ходе работ археологического отряда СОЙКЭ [Амирханов 1986, 1987, 1991] на территории Западного Хадремаута, были открыты и исследованы многочисленные памятники доашельского (пещера аль-Гуза и навес аль-Амира) и ашельского типа (Мешхед, Джоль-Урум, аль-Габр, Джоль-Хамид). По мнению автора раскопок, материальная культура Хадремаута ашельского времени обнаруживает параллели с синхронными памятниками Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки. Таким образом, Южная Аравия является территорией, где выявляются одни из наиболее ранних следов человеческой деятельности. Здесь не было обнаружено мезолитических памятников (или дифференциация позднего палеолита и мезолита невозможна, или мезолитическая стадия культуры отсутствовала), но неолитические памятники встречаются в изобилии практически на всей территории Южного Йемена [Амирханов 1997].

Основное направление культурных связей (Ближний Восток, Северо-Восточная Африка) сохраняется и в эпоху зарождения в Южной Аравии древних земледельческих государств.

По словам Д.Инграмс, «ход истории Южной Аравии был определен ее климатом и географическим положением» [Ingrams 1949, p. 20]. В силу удобного географического положения (через Южную Аравию проходили сухопутные и морские торговые пути древних средиземноморских госу-

дарств: Египта, Вавилона, Ассирии, Финикии, Иудеи, позже Греции и Рима с Индией и Китаем) и достаточно благоприятных в то время климатических условий (в III—I тыс. до н.э. климат в южной части Аравии был значительно более влажный и мягкий²) на территории современного Йемена уже начиная со II—I тыс. до н.э. возникают города, а затем и древние земледельческие государства.

К сожалению, история древних государств Южной Аравии изучена значительно меньше, чем история Египта, древних государств Ближнего Востока и Передней Азии. Во многом это объясняется тем, что вплоть до 30—40 гг. XX в. Йемен был крайне труднодоступным местом для исследователей его культуры и археологии (как уже было упомянуто, по существу первая археологическая экспедиция попала сюда в 1937 гг.). Вплоть до последнего времени практически единственными источниками древней истории Йемена были отрывочные сведения из произведений древнегреческих и римских историков. Большой вклад в изучение древней истории страны внесли труды эпиграфистов, так как развалины древнейеменских городов и храмов в изобилии содержат надписи, высеченные на камнях на древних южноаравийских языках. Наиболее ранние надписи относятся к началу I тыс. до н.э. В последние десятилетия здесь ведутся интенсивные археологические раскопки, в которых, наряду с йеменскими археологами, принимают участие археологи из Франции, Италии, Германии, США. Значительный вклад в археологическое изучение страны внесли российские археологи (археологический отряд СОЙКЭ помимо многочисленных разведочных работ в провинциях Хадрамаут, Лахдж, Шабва, аль-Махра и на о. Сокотра в течении ряда лет производил археологические раскопки древнего городища Рейбун в Западной части вади Хадрамаут — вади аль-Айн, а также портового города Кана на юге провинции Хадрамаут).

Древние южноаравийские государства были достаточно хорошо известны в государствах Средиземноморья. Неоднократно упоминаются города древней Южной Аравии в трудах греческих географов и историков: Теофаста, Эратосфена, Диодора Сицилийского, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и др. Территория современного Йемена была не далекой и неизвестной периферией, а местом, куда постоянно стремились попасть отдельные торговцы из Египта и стран Северной Аравии, создавались торговые колонии, а позже сюда были устремлены военные планы создателей империй древнего мира. Такая широкая известность Южной Аравии в античном мире конечно же была основана на огромной ее роли как производителя благовоний, а также, как территории, через которую проходили сухопутные караванные и морские торговые пути.

Главным предметом торговли был ладан — смола, которая была необходима для отправления религиозных ритуалов в древнем Египте, Израиле, Вавилоне и, позже, в Греции и Риме. Она могла быть получена и доставлена только из южной части Аравии и некоторых районов Восточной

²По данным археологических раскопок и из раннесредневековой арабской поэзии известно, насколько богаче была в древности растительность горных и полупустынных районов Аравии. Значительно разнообразней был и животный мир: здесь водились страусы, львы, различные разновидности антилоп, дикие ослы и верблюды.

Африки, которые долгое время находились во владении королей Сабы. Красное море с его штормами и мелководьями было в тот период весьма опасным местом для мореплавания. Доместикация верблюда около 3000 тысяч лет тому назад сделало возможной организацию сухопутных торговых путей. О масштабах этой торговли можно судить из описания одного из античных авторов каравана из 3 тыс. верблюдов, прибывшего в Средиземноморье из Южной Аравии [см. Bidwell 1983].

Торговые связи между Южной Аравией и древними государствами средиземноморского бассейна возникли, по-видимому, достаточно рано. В финикийских (угаритских) поэтических текстах конца 2 тыс. до н.э. речь идет уже о караванах стираксы, бальзама и ладана [Шифман 1995]. Благовония и пряности были также основной причиной того, что на территорию Йемена древние египтяне совершали путешествия уже в эпоху V династии (то есть примерно с середины — конца III тыс. до н.э.).

Благосостояние древних йеменских государств (в доисламский период Южная Аравия была разделена на множество государств и племенных объединений) зависело от количества благовоний, потребляемых древним миром (по свидетельству некоторых историков, храмы Египта и Северной Аравии потребляли ежегодно тонны ладана). Соответственно, роль и значение племен юга Аравии, а также государств, возникших на этой территории, напрямую было связаны с контролем караванных дорог, по которым эти товары доставлялись на север. Торговыми делами, конечно же, в первую очередь занималось городское население, заключая союзы с шейхами кочевых племен, через территории которых проходили караванные пути. С I в. н.э. во многих городах Йемена торговыми делами стали активно заниматься иудеи, покинувшие Израиль после разрушения Иерусалима в 70 г. н.э. Торговая и ремесленная часть населения и торговые города процветали. Именно благодаря этому древний Йемен, как уже говорилось, часто назывался в античных источниках *Agabia Felix*. С другой стороны, в Южной Аравии достаточно рано возникло земледелие, для занятия которым необходимо было строить плотины и ирригационные системы (террасное земледелие) для удержания влаги нечастых дождей. Несмотря на более благоприятные, по сравнению с современными, климатические условия (более влажный и менее жаркий климат) земледелие на этой территории никогда, очевидно, не могло обеспечить население достаточным количеством продуктов питания. Значительную часть территории Йемена занимают горные районы, полупустыни и пустыни, непригодные для земледелия. В середине нашего века здесь обрабатывалось не более 10% земель, то есть 2–2,5 млн. га [Большаков 1989]. Возможно, что в какие-то периоды древней истории страны площадь обрабатываемых земель была несколько больше. Одновременно, здесь, как и в более северных районах полуострова, всегда, наряду с городами и земледельческими районами существовали полупустынные и пустынные территории, поделенные на кочевые территории племенами бедуинов.

Наиболее могущественными и известными из древних южноаравийских государств были Саба, Катабан, Хадрамаут, Аусан, Маин и Химьяр. Это

были государства, возникшие на основе племенных союзов и существовавшие в различные периоды истории древнего Йемена.

Сабейское царство (Саба) было одним из первых древних государств, возникших в Южной Аравии. Оно, очевидно, сформировалось еще во II тыс. до н.э. на основе союза ряда племен (саба, файшан, хамдан, гурат, бакиль и др.). Основными городами являлись Мариб, Сирвах и Кутал, а территория простиралась от Неджрана на севере до Абйана на юге. В определенный период истории страны в состав Сабейского государства входили и восточно-африканские территории. Известная библейская легенда рассказывает о посещении царицей Савской, сопровождаемой большим караваном с благовониями, золотом и драгоценными камнями, иудейского царя Соломона. Многие исследователи склоняются к тому, что эта легенда отражает действительное событие, относящееся примерно к XI в. до н.э. [см. Шифман 1995] и свидетельствующее о достаточно интенсивных связях в это время между Северной и Южной Аравией. О высоком уровне развития государства и о развитой системе орошаемого и паводкового земледелия свидетельствуют остатки крупнейшей плотины (около 600 м в длину и 15 м в высоту) и сложнейшей ирригационной системы неподалеку от древнего Мариба. В III в. н.э. древняя Саба была захвачена химьяритами и вошла в состав их государства.

Государство *Аусан* со столицей в Мисваре возникло, очевидно, не позже начала I тыс. до н.э. на территории современных провинций Лахдж и Абйан, но в дальнейшем, в VII в. до н.э. Аусаном была захвачена значительная часть территории Катабана, Хадрамаута и Сабы. В попытке отвоевать свои земли коалиция Сабы, Катабана и Хадрамаута разбила армию Аусана и территории этого государства в дальнейшем вошли в состав Катабана.

Государство *Катабан* располагалось между Сабой и Аусаном. Его столица Тимна находилась в вадии Бейхан (современная провинция Шабва). Непрерывные войны с Сабейским царством, Хадрамаутом, а затем и Химьяром привели к ослаблению этого государства, прекратившего свое существование на рубеже нашей эры.

Древний *Хадрамаут* — государство, существовавшее примерно с рубежа II—I тыс. до н.э., занимало значительные территории к востоку от Катабана и соперничало с Сабейским царством за контроль над караванными путями в Северную Аравию. Его столицей был город Шабва (городище древней Шабвы находится на севере одноименной современной провинции Шабва). Как уже упоминалось выше, в Библии можно встретить упоминание о Хадрамауте под именем Хазармавет [Книга Судеб, X, 26]. Упоминается в Библии также и город-порт Кана — центр транзитной морской торговли между государствами Средиземного моря и Индией. Именно в вадии Хадрамаут выращивались деревья, из смолы которых получали ладан, а географическое положение столицы государства позволяло контролировать основные караванные пути. История государства Хадрамаут во второй половине I тыс. до н.э. — это история заключения союзов с одними соседними государствами против других и непрерывные попытки распространить свое влияние на как можно большую часть Южной Аравии и контролиро-

вать как можно большее количество торговых путей. В результате Хадрамаут в союзе с Сабой сначала разрушает Катабан, а затем возникшее на основе Катабана новое государство Химьяр наносит ряд поражений Хадрамауту и в III в. н.э. захватывает большую часть его территории и в том числе вади Хадрамаут.

Особенно хорошо, по-видимому, в древнем мире было известно южно-аравийское государство *Маин*, торговые связи которого распространялись на все Средиземноморье, страны Персидского залива и острова Аравийского моря. Колонии Маина, по их числу и широкому распространению по всему Средиземноморью, нередко сравнивают с колониями Финикии и Набатей. Маинская колония Дедан в Северной Аравии упоминается в Библии. Некоторые историки определяют временные границы Маинского царства между 1200 г. до н.э. и 115 г. до н.э. Однако, возможно, что дата возникновения государства Маин (или Маан) относится к гораздо более раннему времени. С его названием некоторые авторы отождествляют встречаемые, начиная с III тыс. до н.э., в вавилонских надписях упоминания о царстве Маган [Массэ 1982]. Но существует и точка зрения, по которой царство Маган располагалось на крайнем юго-востоке Аравии, на территории Маската.

Возможно [см. Тагсісі 1976], жители Маина являлись выходцами из Ирака и были потомками бедуинов, чья миграция на юг Аравии была связана с разрушением месопотамским царем Хаммурапи ряда древних царств Ближнего Востока. С другой стороны, Дж.Филби высказал предположение, что древний Маин был колыбелью финикийской цивилизации [Philby 1952]. В этой же работе Филби приводит текст сабейской надписи, согласно которой около XI в. до н.э. правитель Маина Садик II распространил своё влияние на производящий благовония Хадрамаут. Позже, в процессе непрерывающейся борьбы за контроль над торговыми путями, Маин, напротив, попал под зависимость от Сабы и с II—I вв. до н.э. стал частью Сабейского царства.

История Южной Аравии на рубеже нашей эры связана с созданием и быстрым ростом могущества государства *Химьяр*. Оно возникло, как уже было сказано, первоначально на территории прекратившего свое существование Катабана во II—I вв. до н.э. Центральный город Химьяра Зофар находился неподалеку от нынешнего города Ярим в Северном Йемене. К III в. н.э. Химьяр подчиняет себе Сабу и Хадрамаут. Основным портом Химьяра становится Аден.

Еще в IV в. до н.э. Александр Македонский разрабатывал план похода в Южную Аравию и даже собирался основать там новую столицу своей империи. Этому плану не суждено было осуществиться из-за внезапной смерти полководца. После возвышения Римской империи и овладения ею Египтом и рядом территорий в северной части Аравии, планы распространения своей власти на богатые благовониями, пряностями и золотом Эфиопию и Южную Аравию стали вынашивать и римские императоры. В конце I в. до н.э. по приказу Октавиана Августа римский полководец Элий Галлус возглавил поход римлян на Южную Аравию. Этот поход не был слишком удачным в военном отношении — римляне, столкнувшись с край-

не тяжелыми климатическими условиями Южной Аравии и эпидемиями, не продвинулись дальше Мариба. Очевидно это послужило основной причиной решения римлян заняться развитием морской торговли с Аравией, Индией и странами Юго-Восточной Азии. Император Клавдий нападает на Аден с моря и разрушает его. Позже Рим заключает политический союз с Химьяром. В это время на побережье Красного моря и Аденского залива возникают римские торговые колонии, которые берут в свои руки контроль над морскими торговыми путями. Примерно к I в. до н.э. античными мореплавателями был разгадан режим сезонных мусонных ветров в этой части Индийского океана и освоен морской путь в Индию. Это привело к резкому упадку караванной торговли и, следовательно, к упадку благосостояния государств древней Южной Аравии.

Позже свои взоры на Химьяр обратили правители Аксума (мощного государства, существовавшего в первой половине I тыс. н.э. на территории современной северной Эфиопии). Здесь необходимо сказать, что еще примерно с VII в. до н.э. выходцы из Южной Аравии начали создавать поселения и колонии на противоположной стороне Красного моря, причем значительная их часть располагалась как раз на той территории, где позднее возникло Аксумское царство. Считается, что древний Аксум был создан именно выходцами из Аравии, давшими ему язык (позже развившийся в современные языки тигре и амхара) и более позднее название страны Абиссиния (от йеменского племени хабашат или абаша). В течении нескольких веков эти восточно-африканские территории входили в состав Сабейского царства, а затем обрели самостоятельность. Окрепшее Аксумское царство, ставшее центром распространения христианства в Восточной Африке и поэтому активно поддерживаемое в военном отношении византийскими императорами, совершает в 345 г. н.э. первый военный поход на Химьяр. Через тридцать лет королям Химьяра удастся вернуть себе большую часть завоеванной Аксумом территории, но позже, с начала VI в. н.э. Южная Аравия снова находится под властью королей Аксума. Примерно в это же время усиливается проникновение на территорию Йемена бедуинских племен с севера Аравийского полуострова, хотя процесс этот начался по-видимому значительно раньше. В борьбе за освобождение древнего Йемена от абиссинского владения короли Химьяра были вынуждены обратиться в 575 г. к помощи зараострийских правителей Персии, которые помогли в деле изгнания эфиопов с территории Йемена и установили здесь свое господство.

После создания Мухаммедом исламского государства в центральной части Аравии, совпавшего по времени с убийством персидского царя Хосрова II и ослаблением власти персов в Йемене, наместник Персии в Йемене уже в 628 г. принял ислам и отказался подчиняться сасанидам. С этого времени Йемен входит в зону политического влияния арабского халифата. Однако шейхи племен и правители отдельных городов время от времени пытались не подчиняться халифам. Неоднократно свою власть в Южной Аравии халифы вынуждены были восстанавливать с помощью жестоких военных экспедиций.

Начиная с первых десятилетий XVI в. начинается история колониальной зависимости Йемена: сначала здесь стремились укрепиться португальцы, пытавшиеся добиться господства в Индийском океане и монополизировать торговлю с Индией и Китаем. Португальские мореплаватели основали колонию на о. Сокотра, а затем захватили в 1513 г. Аден, аш-Шихр и другие прибрежные районы страны. Однако вскоре сначала прибрежные, а затем и внутренние районы Йемена были захвачены Османской империей. Турция сохраняла контроль над рядом районов Северного Йемена вплоть до начала XX в. Южные районы страны, начиная с конца XVIII — начала XIX вв. оказываются в сфере британских колониальных интересов, и в результате южная часть Йемена становится британским Протекторатом Аден. Административно эта английская колония делилась на Западный и Восточный протектораты. В Западный протекторат входило девять основных административных единиц, соответствующих границам основных племенных территорий. В Восточный протекторат входили султанаты аль-Касири с центром в Сейуне и аль-Куайти со столицей в Мукалле, султанаты Бир-Али, Махра и Сокотра и некоторые другие административные единицы.

ПРОБЛЕМА ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ НАСЕЛЕНИЯ ЙЕМЕНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Современное население Йемена говорит на арабском языке, при этом государственным языком Йемена, также как языком современных средств коммуникации (газеты, телевидение, радио), является так называемый литературный арабский язык. Этот язык является общим для всех арабоязычных стран. Вместе с тем, наряду с этим языком в Йемене существует ряд местных территориальных диалектов (южные или юго-западные диалекты Аравии). В Южном Йемене, например, к таким диалектам относятся аденский, хадрамаутский, яфайский и другие говоры. Современный арабский язык относится по лингвистической классификации к южно-центральной группе семитских языков, но при этом в Южной Аравии и в наше время сохранилось несколько регионов, где продолжают бытовать языки, относящиеся к южно-периферийной группе. К ней когда-то относились языки, известные нам сейчас по эпиграфическим южноаравийским источникам: сабейский, маинский (минейский), катабанский и хадрамаутский. Сейчас на различных диалектах южно-периферийной группы семитских языков говорят бедуины Махры, население о. Сокотра и шахри в Дофаре (Оман).

Лингвисты считают, что прародиной семитских, точнее семито-хамитских, племен следует считать сирийско-месопотамские степи, откуда одна из наиболее ранних волн миграций афразийских племен распространилась очевидно где-то в VIII—VI тыс. до н.э. по всему Восточному Средиземноморью, Аравийскому полуострову, в северные и восточные районы Африки [Дьяконов 1989]. Одной из возможных причин такого переселения были вековые колебания климата в Передней Азии. В III—II тыс. до н.э. древние семитические языки подверглись влиянию пришедших из междуречья на территорию древней Сирии кочевых племен аморитов и, позже, араме-ев. Предполагают [Garbini 1988], что именно одомашнивание верблюда в

конце II тыс. до н.э. было одной из причин переселения в Аравию значительного количества переднеазиатских племен. К этому времени относят приход в Южную Аравию минайских, катанских и хадрамитских племен, в древнем семитическом языке которых содержались аккадско-вавилонские и арамейские элементы. Считается, что к этому времени населявшие юг Аравии племена говорили на прасемитских языках. Как уже упоминалось, существуют также археологические свидетельства того, что одновременно на юге Аравии жили также группы населения африканского происхождения. По мнению Д.Гарбини, следующая волна переселения (около VII—VI вв. до н.э.) из Передней Азии на юг Аравии была связана с сабейцами, и поэтому их южноаравийский язык был наиболее близок к современному арабскому среди прочих древнеаравийских языков.

Интересные аналогии эта гипотеза имеет в средневековых арабских этногенетических легендах и преданиях, в основном совпадающих с библейскими легендами. Согласно им, предки семитов, основавшие в Двуречье древнейшие цивилизации, переселились на северо-запад, а часть их двинулась в Аравию. Эти первые семитские племена, попавшие в Аравию, в легендах часто называются «потерянными арабами», так как, якобы, бог их уничтожил за грехи, а остатки их влились в племена, пришедшие в Аравию несколько позднее. Этой новой волной переселенцев в Аравию были семьи (роды) тринадцати сыновей Кахтана — библейского Йоктана, дяди ветхозаветного Ибрахима (Авраама), которые из страны Хеттов вдоль берега Иордана и Мертвого моря прошли на юг на Аравийский полуостров и расселились по нему. Потомков Кахтана легенды называют «истинными арабами», они считаются предками южноаравийских племен. Потомки Кахтана делились в представлении арабов на две ветви — химьяр (оседлые)³ и кахлан (кочевые). К кахлан относятся такие крупнейшие племена бедуинов, как лахм, кинда, гассан.

Северноаравийские же племена, согласно арабским легендам, являются потомками общего предка-эпонима Аднана, потомка Исмаила. Исмаил, сын Ибрахима от рабыни-египтянки Хаджар (библейская Агарь), таким образом, являлся двоюродным внуком Кахтана — родоначальника йеменитов. Иногда племена севера называют также по потомкам Аднана — Маадду или Низару (маадиты и низариты).

В литературе, посвященной происхождению арабов, высказывалась точка зрения, что, вплоть до распространения ислама по всей территории Аравии и за ее пределами, население полуострова не ощущало своего этнического единства, а представляло собой ряд родственных племен. Арабами (то есть «бродягами») их называли оседлые соседи Месопотамии, Передней Азии, а сами они переняли это название, может быть, начиная только с VII в. в ходе великих завоеваний [Грязневич 1982, 1984].

Есть ли смысл в этой этногенетической легенде и насколько она отражает происхождение и историю племенных объединений Аравии? В ней, конечно же, тесно переплелись арабские предания и библейские сказания,

³Как уже упоминалось, так называлось одно из древних южноаравийских государств, и это имя до сих пор носит одно из современных племен Южной Аравии.

переработанные основоположниками ислама. С другой стороны, эта легенда частично удивительно совпадает с современными знаниями о древней истории Ближнего Востока и Передней Азии, полученными в результате археологических и эпиграфических исследований и анализа античных письменных источников. К этому надо добавить, что по мнению этнографов, да и по нашим собственным наблюдениям, даже у современных жителей Йемена удивительно сильна память об истории племен, родов и кастовых групп, к которым они принадлежат.

По поводу происхождения населения Южной Аравии была высказана и несколько иная точка зрения, в основном получившая распространение, что представляет для нас особый интерес, в литературе по проблемам антропологии населения Аравии. Одним из первых ее сформулировал Эйкштедт, считавший, что в древности веддоиды были широко распространены в Юго-Западной Азии [Eickstedt 1934]. В наиболее развернутом виде эта идея была развита К.Куном [Coop 1939], который в 1933—1934 гг. посетил Йемен и обследовал здесь около 1500 человек. Подробнее взгляды К.Куна и их влияние на представления о формировании антропологических типов Южной Аравии будут рассмотрены ниже, но здесь следует сказать, что он в своей книге прямо говорит о веддоидных аборигенах Махры, Сокотры и Дофара и, возможно, Хадрамаута. Кун связывает с предполагаемым древним веддоидным пластом Южной Аравии бедуинов восточных районов страны и считает, что они были носителями доарабских семитских языков (очевидно, имея ввиду именно группы населения, говорящие на южно-периферийных семитических языках).

Выше в основном говорилось о проблеме происхождения арабов Южной Аравии по археологическим и лингвистическим данным, а также о их возможных ранних и более поздних этнических контактах по историческим данным. При этом основное внимание было уделено тем этногенетическим процессам, которые протекали на самой территории Йемена.

Для нашего исследования, однако, представляют также определенный интерес и проблемы участия населения Южной Аравии в межэтнических контактах вне этой территории. Эти процессы также могли оказать определенное влияние на формирование генофонда ее населения. Кроме того, знания о участии населения Южной Аравии в формировании населения соседних регионов несомненно крайне полезны, если не сказать необходимые, для правильной интерпретации результатов межгруппового многомерного анализа антропологических признаков.

Данные палеогеографии и климатологии говорят о том, что в течении последних 5—6 тысяч лет на территории Аравии несколько раз происходила определенная смена климатических условий. При этом периоды более мягкого и влажного климата сменялись более жаркими и засушливыми. Выше уже говорилось, что в Аравии всегда, во все эпохи, под сельскохозяйственные культуры обрабатывалось, по-видимому, не многим более 10% территории. Поэтому здесь, очевидно, всегда существовала более или менее острая проблема недостаточности ресурсов питания и, одновременно, проблема занятости населения. По оценкам историков средневековой Аравии, например, на территории Йемена, составляющей всего 8% территории по-

луострова, концентрировалось не меньше половины населения полуострова. Здесь жило до 3,5 млн. оседлых жителей, горожан и земледельцев. Кроме того, на полуострове проживало примерно 3 млн. бедуинов, значительная часть которых также кочевала в пределах Южной Аравии [Большаков 1989].

Очевидно во все исторические эпохи с территории Йемена время от времени «выплескивались» людские массы за его пределы. Формы и пути переселения людей из Йемена в соседние регионы конечно же во многом зависели от исторического контекста различных эпох. К процессам такого рода можно отнести и заселение высокогорных северных районов Эфиопии колонистами из древнеаравийских государств в первой половине I тыс. до н.э., в результате которого возникло одно из древнейших государств на территории Африканского континента — Аксумское царство. Перенаселенность центральных и южных районов Аравии была одной из причин широкой арабской экспансии в раннеисламское время. В более позднее время, после освоения пространств Индийского океана в эпоху «великих географических открытий», значительное количество выходцев из Йемена и, прежде всего, Хадрамаута переселилось на постоянное жительство (или уезжало временно на срок от 2—5 лет) в голландскую Ост-Индию и другие страны Юго-Восточной Азии.

Рассмотрим подробнее некоторые из этих проблем. Некоторые историки Аравии считают, что в эпоху существования древних южноаравийских государств выходцы из Йемена приняли в той или иной мере участие в создании древних цивилизаций Шумера, Аккада и Финикии [Targici 1976; Philby 1952]. Есть также предположения, что в определенный период истории Древнего Египта на его территории находились торговые колонии Сабы и Маина, что представители одной из династий египетских фараонов (Та-Нетер) были уроженцами Южной Аравии или Аксума. Уже упоминалось, что торговые колонии древних йеменцев находились также в северной части полуострова и на побережье Персидского залива. Повторим, что выходцами из Южной Аравии (племя хабашат или абаша), заселившими северные горные районы Эфиопии, было создано древнее государство Аксум. Они принесли сюда свой язык, который послужил основой древнего языка гээз, от которого ведут своё начало три современных языка эфиосемитской группы: тигринья, тигре и амхарский. Возможно также, что в формировании современных племен берберов Северной Африки приняли участие кочевники Южной Аравии, прошедшие в древности по восточно-африканскому побережью Красного моря [Targici 1976].

Дальнейшие контакты населения Южной Аравии и Восточной Африки шли по линии переселения некоторых йеменских племен на территорию современных Эфиопии и Сомали, а позже временной эмиграции йеменцев из некоторых районов страны в Восточную Африку в поисках заработков. С другой стороны, несмотря на то, что экономические причины для иммиграции в страну практически отсутствуют, в Йемене на побережье Аденского залива и Красного моря проживает значительное количество выходцев из Сомали. По словам Д.Инграмс [Ingams 1949], большое количество сомалийцев живет в Мукалле и Шихре, многие из них родились здесь.

Они занимаются в основном морской торговлей и рыболовством, а также подсобными работами (слуги, шоферы, продавцы и т.п.). Иногда возможны браки арабов с сомалийскими женщинами, но практически никогда арабские женщины не выходят замуж за сомалийцев. В стране проживает также немалое число потомков африканских рабов, имеются и социальные группы, происхождение которых также явно уходит корнями на африканский континент (например, группа хаджур, члены которой обычно являлись в прошлом слугами и чернорабочими). По данным переписи населения, проведенной в 1982 г., в Южном Йемене проживало около 45 тыс. выходцев из Восточной Африки (сомали, суахили, амхара). Опыт анкетирования людей во время антропологического обследования населения показал, что эти данные учитывают лишь число недавних переселенцев на юг Аравии, не утративших племенных и родовых связей с африканским континентом, так как все потомки рабов, члены группы хаджур и некоторых других южно-йеменских каст, имеющих африканские корни, в подавляющем большинстве считают себя йеменцами.

Говоря о иноэтничных группах на территории Йемена, следует помнить также и о том, что на этой территории, особенно в английское колониальное время, проживало значительное количество выходцев из Индии и Пакистана. Они активно участвовали в торговой жизни страны и работали в колониальной администрации. Многие из них покинули страну после ухода из нее англичан в 60-е гг. XX в. На сегодняшний день в Южном Йемене проживает лишь около 40 тыс. индийцев и пакистанцев. Также в Южном и Северном Йемене, начиная с первых веков нашей эры, проживало (в основном в городах и населенных пунктах, занимаясь ремеслами и торговлей) значительное число евреев. Часть еврейских племен на территории Йемена приняла ислам и стала частью йеменского народа. В настоящее время, после массовой эмиграции в 1948—1951 гг. в Израиль, в Южном Йемене проживает не более 1.5—2 тыс. евреев.

В заключение необходимо сказать несколько слов об эмиграции из Йемена. Наряду с эмиграцией на постоянное место жительства в другие страны (по указанным выше причинам), в этом регионе получила широкое распространение временная эмиграция, то есть эмиграция мужского населения на более или менее длительные сроки с целью заработка и обеспечения средствами существования семей, обычно при этом продолжающих жить в Йемене. Для исследования по антропологии населения Йемена эта тема представляет определенный интерес. Во-первых, этот обычай существует уже в течении многих веков. Постоянная или временная эмиграция йеменцев, вызванная экономическими причинами, началась с упадком сухопутной торговли благовониями и пряностями [Ingrams 1949]. Во-вторых, это явление носило и носит воистину массовый характер. По подсчетам того же автора из примерно 300 тысяч жителей Восточного протектората, 100 тыс. человек перед Первой мировой войной проживало за пределами страны, из них 70 тыс. человек в голландской Ост-Индии). Еще более впечатляющие цифры привел в своей публикации 1938 г. У.-Х.Инграмс [Ingrams 1938]. Он подсчитал, что практически половина мужского населения Хадрамаута живет вне страны.

По современным этнодемографическим данным [Брук 1986], в Индонезии проживает около 100 тыс. арабов, основную часть которых составляют проживающие на островах Ява и Суматра выходцы из Южной Аравии, а в Сомали, куда первые выходцы из Йемена стали проникать, начиная, очевидно, еще с VII—VIII в.в. — около 60 тыс. арабов. Социально-экономическим аспектам современной временной эмиграции на примере города аль-Катна посвящена специальная работа участника СОЙКЭ С.Сереброва [Серебров 1995а]. Используя данные о занятости глав домохозяйств, проживавших в аль-Катне в 1983 г., автор показывает, что эти косвенные сведения позволяют предположить временную эмиграцию свыше 20% глав семей в городе.

Исследователи этнографии Йемена и Хадрамаута отмечают, что в различных районах страны существовали свои традиционные направления постоянной и временной эмиграции [Ingrams 1949; Budjra 1971]. Так, например, большинство эмигрантов из вади Хадрамаута предпочитают Ост-Индию, для жителей вади Дауан и вади Хаджар, а также для представителей более бедных слоев населения предпочтительней была эмиграция в Восточную Африку, из области Яффи и прибрежной зоны провинции Хадрамаут, находившейся под значительным влиянием выходцев из Яффи, — в Индию и т.д. Довольно большие колонии хадрамаутцев существовали также в Малайзии и Сингапуре. В настоящее время основное направление временной эмиграции, обусловленной экономическими причинами, изменилось. Большинство современных мужчин в Южном Йемене предпочитают поездку на несколько лет в Саудовскую Аравию (по статистическим данным на 1983 г. в Саудовской Аравии проживало около 1 млн. йеменских арабов), Кувейт или Объединенные Арабские Эмираты, где они обычно работают на нефтяных скважинах.

В странах, куда вели традиционные пути эмиграции из Южной Аравии, выходцы из Йемена образовывали компактные колонии (например, на о. Ява — «мувалладун»), объединялись обычно в землячества, следуя племенному и кастовому членению, принятому на их родине. Довольно редко, уезжая на заработки, йеменцы брали с собой семьи. Так как временная эмиграция мужчин обычно продолжалась 5 или более лет [Steffen 1979], они часто заводили новые семьи, иногда женясь на йеменках, а иногда и на местных мусульманских женщинах. Д.Инграмс [Ingrams 1949] отмечает, что почти всегда своих сыновей от этих браков они отсылали воспитываться и учиться на родину, где они становились членами соответствующих каст и родовых подразделений отца вне зависимости от происхождения матери. Тот же автор приводит свидетельства того, что представители бедных слоев населения, уезжая на заработки в Восточную Африку, чаще брали с собой жен и детей.

Таким образом, мы видим, что массовый характер, традиции временной эмиграции и многовековая история этого явления в Йемене могли оказать определенное влияние на формирование антропологического типа в некоторых районах страны. Это явление, как и многие процессы тысячелетней истории Йемена, необходимо иметь ввиду при анализе материала по антропологии древнего и современного населения Южной Аравии.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О НАСЕЛЕНИИ ЮЖНОГО ЙЕМЕНА

Практически все жители Йемена, — точнее 90–91 % его населения — ощущают себя не только арабами, но и йеменцами. Еще 5% составляют арабы других стран. Оставшиеся 4–5% падают на недавних иммигрантов из других южноазиатских или восточноафриканских стран.

Уже говорилось, что административно Южный Йемен до 1990 г. делился на 6 провинций (см. рис. 1): Аден и Сокотра, Лахдж, Абйан, Шабва, Хадрамаут и аль-Махра. Население страны на 1986 г. составляло 2 220 тысяч человек. Плотность населения крайне низка (она в среднем в 6 раз ниже, чем в соседнем Северном Йемене) и составляет в среднем 6.6 человека на км². Из таблицы 1 видно, что относительно высока плотность населения в Адене, в провинции Лахдж, примыкающей к Адену и в провинции Абйан, где в прибрежной зоне расположен самый большой сельскохозяйственный район Южного Йемена. В трех восточных провинциях — Шабва, Хадрамаут и аль-Махра значительную часть территории которых составляют пустынные и полупустынные районы, плотность населения резко падает.

Т а б л и ц а 1

**Данные о численности населения
Южного Йемена на 1986 г.***

Провинция	Площадь (км ²)	Население (тыс. чел.)	Плотность населения (чел./км ²)
Аден и Сокотра	6 980	407 000	58.3
Лахдж	12 766	382 000	29.9
Абйан	21 489	434 000	20.2
Шабва	73 908	226 000	3.1
Хадрамаут	155 376	686 000	4.4
Аль-Махра	66 350	85 000	1.3
Всего:	336 869	2 220 000	6.6

* по данным Britanika. Book of the Year, 1993.

На долю сельского населения приходилось в 1990 г. 71.1% жителей страны, городского — 28.9%. Следует сразу же оговориться, что традиционно в Йемене городом считается поселение с числом жителей более 1.5–2 тыс. человек, часть населения которого занимается сельскохозяйственным трудом [Серебров 1995б].

Мужчины составляют 48.96% населения страны, женщины — 51.04%. На тысячу жителей ежегодно рождается 51.3 (в среднем в других странах — 26.4), а умирает 16.2 человека (в других странах в среднем — 9.2). Средняя продолжительность жизни у мужчин 49.0, а у женщин — 51.0 год. Каждая йеменская женщина в среднем имеет 7.4 ребенка, реально это означает, что во многих семьях 11–12 детей. Правда, при этом уровень детской смертности продолжает оставаться довольно высоким.

Соотношение уровня смертности и уровня рождаемости, очень невысокая в среднем продолжительность жизни и высокий уровень фертильности йеменских женщин конечно в своей совокупности влияют на картину возрастной структуры населения. По сравнению с европейскими странами (см. табл. 2, рис. 2) здесь резко преобладает возрастная группа младше 15 лет и, выше процент молодых людей в возрасте 15–29 лет. При этом существенно ниже процент людей в возрастных группах старше 30 лет. С этим, конечно же, связано и

Таблица 2

Возрастная структура населения Южного Йемена по сравнению с европейскими странами

Возрастная группа	Южный Йемен	Россия	Англия
< 15 лет	49.6	23.1	19.2
15–29 лет	27.8	22.0	22.5
30–44 года	11.4	21.9	21.0
45–59 лет	7.2	17.6	16.6
60–74 года	3.4	11.2	13.7
> 75 лет	0.6	4.2	7.0

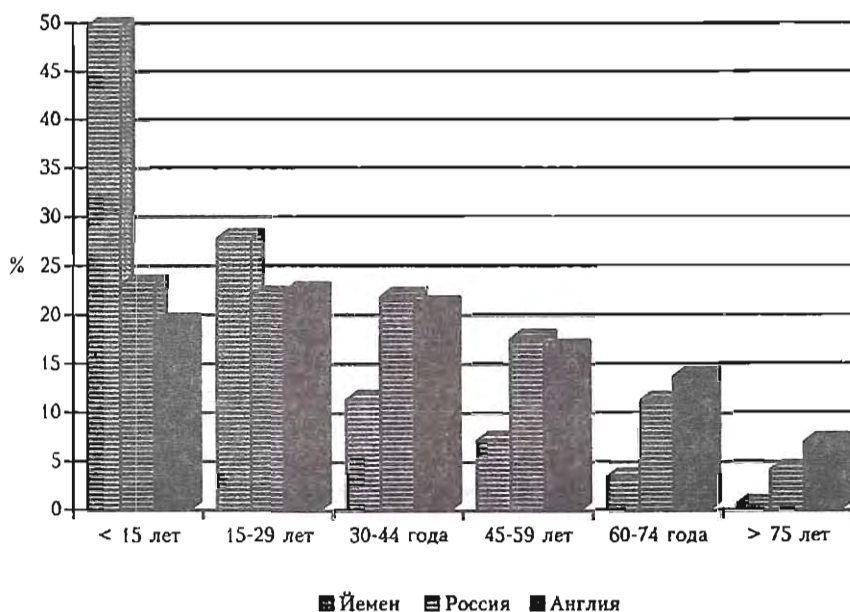


Рис. 2. Возрастная структура населения Южного Йемена по сравнению с европейскими странами.

соотношение возрастных групп в исследованных нами выборках. Во многих выборках высок процент людей возрастной группы от 18 до 25 лет. Известно, что некоторые как измерительные, так и описательные признаки имеют значительную возрастную изменчивость (например, описательные признаки, связанные с волосяным покровом, рост и вес тела и т.п.). Следует помнить об этом обстоятельстве и о некотором нарушении обычного соотношения возрастных групп в изучаемых йеменских выборках, особенно при межгрупповом сопоставительном анализе.

РОДОПЛЕМЕННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Для исследования антропологии современного населения Йемена чрезвычайно важным представляется тот факт, что на этой территории до настоящего времени сохраняются как пережитки родоплеменных отношений, так и уникальная система социальной стратификации общества, т.е. деление его на ряд иерархически расположенных социальных слоев (страт или каст).

Очевидно, что племенная организация, также как и социальная стратификация общества, в значительной мере являются реликтом социальной организации древних государств Южной Аравии [Ingrams 1949]. Названия некоторых этих государств сохранились в названиях больших или малых племен. Например в конфедерации племен ауляки (современная провинция Шабва) есть племя маан, имя государства Катабан сохранилось в племенном названии катейби, а Химьяритское государство — в названии племени химьяр. Потомками химьяритов считают себя члены племени ад-дайин, потомками древнего доисламского населения страны киндитов считаются члены племен сайар, бин махфуз, ба касир, автохтонами Хадрамаута — племена сайбан и бани заниа.

Можно также предположить, что некоторые племенные вожди и шейхи могут быть далекими потомками жрецов и царей древних государственных образований Южной Аравии.

До освобождения от английской колониальной зависимости и революции конца 60-х гг. XX в. большая часть Южного Йемена, особенно восточный его протекторат (современные провинции Хадрамаут, аль-Махра, остров Сокотра) представляла из себя по существу ряд небольших феодальных государств — больше 20 султанатов, эмиратов и шейхств. Эти минигосударства, крайне изолированные от внешнего мира, зачастую очень формально и, в основном, в сфере взаимоотношений с ближайшими соседями зависели от Англии. Кстати, в обязанности английских политических советников («резидентов») при султанах входили в том числе и переговоры с шейхами многочисленных конфликтующих племен и борьба с все еще существовавшими традициями кровной мести.

В последние годы после революции 60-х гг. произошли заметные изменения, постепенно стала изживаться традиционная родоплеменная структура общества и института социальных страт (каст). Чтобы ускорить этот процесс, правительством страны был принят ряд соответствующих законодательных актов. Но и в конце XX в. южно-йеменское общество отчасти сохраняет представление о делении на племена, родовые подразделения и социальные страты или касты.

Племенная структура населения Южного Йемена достаточно сложна. Во-первых, следует сказать, что не все население является членами каких-либо племен. Членами племен обычно бывают или кочевники-бедуины, или оседлое (но некогда, иногда много веков назад, бывшее кочевым) земледельческое население Йемена.

Племена представляют собой местные политические объединения и членство в них обеспечивается прежде всего родственными связями. По

данным У.Инграмс, только во внутреннем Хадрамауте в 30-х гг. XX в. насчитывалось более тысячи мелких и крупных племен. Обычно племя состояло из 100—1500 вооруженных мужчин и членов их семей. Племена состоят из секций, кланов (родов), семей. Каждый клан и семья имеют своего старейшину или вождя, племенные вожди выбираются из членов правящей семьи — «дола». Иногда дола является семьей шейхов. В отдельных районах несколько племен образуют племенные конфедерации (наиболее известные конфедерации племен — верхние и нижние ауляки, верхние и нижние яффи, бальхаф, куайти, хамуми и др.)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ: КАСТЫ

Родоплеменная структура южно-йеменского общества была характерна и распространялась только на часть населения страны — членов кочевых и оседлых племен. Остальное население делилось на ряд иерархически расположенных слоев. В этнографической литературе, посвященной Йемену и особенно Хадрамауту (где это было выражено наиболее отчетливо), эти социальные слои общества называются по-разному: сословия, классы, страты, касты. Дискуссия на эту тему не входит в задачи нашего исследования, однако отметим, что эти группы населения Йемена, для которых характерна социально-экономическая, отчасти этническая наследственно замкнутая общность, строгая социальная иерархия, общественное разделение труда, определенные социальные нормы поведения и строгая эндогамия, — вполне соответствуют классическому определению касты [Першиц, Трайде 1986]. По мнению М.А.Родионова [1994], у этих групп населения, в отличие от индийских каст, отсутствуют религиозные различия, а также имеется элемент некоторой социальной мобильности, то есть возможность в силу ряда политических, экономических и других причин перехода какой-либо части людей из одной группы в другую (что на практике происходит чрезвычайно редко). Поэтому мы при анализе антропологического состава современного населения Йемена будем употреблять для краткости именно термин каста.

Количество каст в различных районах страны и их иерархия значительно варьируют и поэтому очень непросто создать их общую классификацию. К тому же этнографы, проводившие свои полевые исследования в различных историко-культурных районах, по-разному описывают иерархические слои традиционного йеменского общества [см., например, Ingrams 1966; Budjra 1971; Bidwell 1983; Dostal 1988; Родионов 1994 и др.]. В некоторых северных и восточных районах Южного Йемена, населенных исключительно бедуинами, кастовые группы отсутствуют. В наиболее полном виде кастовая система представлена в поселениях внутреннего Хадрамаута, где антропологической группой СОЙКЭ было измерено почти 750 человек. Именно в Хадрамауте мы имеем достаточно материала для того, чтобы проанализировать различия в антропологическом типе кастовых групп Южного Йемена. Кроме того, в Хадрамауте — основном районе работы экспедиции, у нас была возможность наиболее тесного взаимодействия с этнографическим (историко-культурным) отрядом экспедиции, что было необыкновенно важно при работе с информаторами, которым задавались

вопросы о кастовой принадлежности обследованных по антропологическим программам людей.

В связи с этим, в настоящей работе используется описание страт, сделанное М.А.Родионовым [Родионов 1994] на основании полевых работ в Западном Хадрамауте. На основании рекомендаций этого же автора материал из Хадрамаута группировался по кастам (стратам, следуя терминологии М.А.Родионова) для статистической обработки.

Высшее положение в йеменском обществе занимали *сада* (ед. число — сейид), в руках которых была сосредоточена «духовная власть». Представители этой группы считают, что они являются прямыми потомками пророка Мухаммада через его дочь Фатиму. Сада, как особая группа людей, являющихся потомками пророка и пользующихся особым уважением и влиянием, известна и в других арабоязычных мусульманских странах. Согласно генеалогическим преданиям часть южно-йеменских и, прежде всего, все хадрабийские сада считают своим предком Ахмада бин Ису бин Мухаммада — праправнука шестого имама Джафара ас-Садики, который в начале X в. переселился в Хадрамаут из иракского города Басра и получил за это прозвище ал-Мухаджир, т.е. "переселившийся". На дороге между Сейуном и Таримом можно видеть усыпальницу почитаемого святым Ахмада бин Исы ал-Мухаджира. Таким образом, общий предок хадрамаутских сада принадлежал к одному из северных аравийских племен.

Сегодня в Хадрамауте проживает около 30 сейидских родов, из которых нам в процессе обследования чаще всего встречались представители родов ал-Айдарус, ас-Саккаф, ал-Хабши, ал-Каф (особенно часто в Тариме), ал-Атгас (особенно часто в округе Дауан), Бин Шайх Бу Бакр, ал-Хинди и др. Сада обладали духовной и религиозной властью в большинстве поселений Хадрамаута, выступали посредниками при решении межплеменных конфликтов и т.д. Одновременно они являлись крупными земельными собственниками и торговцами. Нормы внутрикастовой эндогамии здесь соблюдались, конечно, особенно строго, но в то же время, начиная уже с XVI в. и по сегодняшний день представители этой страты активно занимаются торговлей, финансовыми операциями и владеют недвижимостью в основном в Индонезии, а также в Сингапуре и некоторых восточно-африканских странах (Сомали, Кения). При этом они годами проживали в этих странах, и, как уже упоминалось выше, нередко брали себе (это вполне допускалось нормами шариата) иногда в качестве второй жены местных женщин или женщин из йеменских родов, постоянно проживающих в этих странах. Дети от таких браков могли затем возвращаться вместе с отцами, или отсылаться при достижении определенного возраста в Хадрамаут, где считались полноправными членами рода и страты отца.

Вторую ступеньку в иерархии традиционного общества Хадрамаута занимала каста *шейхов* (мн. число машаих — «старейшины»). В отличие от обычного употребления слова шейх в других арабских странах, в Хадрамауте так называли ряд родов, которые считали своими предками мусульманских святых. Эта группа обладала подчас не меньшей духовной властью, чем сейиды. Родовые группы машаих Хадрамаута (Ба Джабер, Ба Фадл, ал-Хатиб, ал-Амуди и др.) считают своими предками сподвиж-

ников пророка Мухаммада и первых халифов, а хадрабийский род шейхов Ба Вазир ведут свою родословную от дяди Мухаммада и считает, что их предок переселился в Хадрамаут в XII в. Вместе с тем, М.Родионов [1994] приводит свидетельства ряда арабоязычных источников, в которых приводятся предположения об автохтонном происхождении некоторых родов машаих, о возможной связи их происхождения с киндитскими царями, и, вероятно, с жреческим сословием домусульманского Хадрамаута. Часть родов машаих вела полукочевой образ жизни, некоторые из них были тесно связаны с определенными племенами.

Члены кочевых и оседлых земледельческих племен составляют еще одну социальную страту — *кабили*. Ряд племен и родов кабили также ведет свою родословную от древнего доисламского населения страны. Положение «племенников» в йеменском обществе очень высоко. Только они имели право носить оружие (в повседневной жизни кривой кинжал «джамбийа»). Султанами Хадрамаута были представители племен аль-касири и аль-куайти.

Несколько следующих социальных групп выделяются значительно менее четко [Родионов 1994]. В основном это различные группы населения, занимавшиеся торговлей и различными ремеслами. Часто их обозначают общим понятием *масакин* («бедняки») или *дуафа* («слабаки»). Среди них разные авторы выделяют страты хадар («оседлые» или иногда встречается другое название — «кирван», т.е. живущие оседло: крупные торговцы, мастера-строители, ювелиры), харрас («пахари», множ. число — хирсан), хавик («ткачи»), даллал («торговые посредники») и др. На побережье Хадрамаута к *дуафа* относят также группы саййад («рыбаки») и бахариин («мореплаватели»). Возможно, некоторые из этих групп, в частности харрас, относятся к древнейшему населению Хадрамаута. А.Буджра [Budjra 1971] высказал предположение, что группа харрас могла сложиться из осевших племен, подчиненных более сильным племенным группировкам. Вместе с тем, ряд групп, таких как саййад и бахариин, очевидно тесно связаны своим происхождением со странами Восточной Африки.

К *дуафа* относят также страты ахдам («слуги») и субйан («слуга», «мальчик»), группы также с отчетливо визуальной фиксируемой африканской примесью. В ряде районов Хадрамаута к субйан примыкает группа «хаджур» (название очевидно происходит от вадии Хаджер, выходящей на побережье Аравийского моря на границе провинций Хадрамаут и Шабва, где компактно расселены выходцы из Африки). Группа переселенцев из вадии Хаджер с аналогичным названием встретила нас в 1988 г. при обследовании населения провинции Лахдж.

Так как во всем этом многообразии страт и сложном их взаимоподчинении (несколько различающемся к тому же в разных районах Хадрамаута), было достаточно трудно разобраться при проводившемся нами анкетировании и работе с информаторами, в дальнейшем при обработке материала по стратам все масакин-хадар и масакин-дуафа объединялись в одну группу, отдельно там, где это было возможно, выделялись группы ахдам, субйан, саййад, бахариин.

Самую нижнюю ступень занимала каста *абид* («рабы»). Рабов ввозили преимущественно из Восточной Африки, хотя в рабство иногда попадали и члены других племен, захваченные в результате военных действий. Работорговля была запрещена в Хадрамауте только с 1938 г. По некоторым источникам [Родионов 1994] в то время в Хадрамауте насчитывалось до 4-5 тыс. рабов. Рабство было патриархальным: мальчиков-рабов часто воспитывали в знатных семьях вместе со своими детьми; рабы, принадлежавшие султанам, носили оружие и иногда занимали достаточно высокие должности.

В заключение следует подчеркнуть, что социальная стратификация южноаравийского общества, судя по многочисленным эпиграфическим источникам, — традиция, которая восходит к древним государствам Южной Аравии [Bidwell 1983]. Схема, очевидно, была очень похожа: основные территории принадлежали кочевым племенам, контролировавшим караванные торговые дороги; в местах, где были источники воды, образовывались городские центры, которые населяли осевшие и занимающиеся торговлей, земледелием и, отчасти, ремеслами (и поэтому часто потерявшие свой социальный статус) члены племен. В городах проживали также купцы и ремесленники из различных государств древнего мира, слуги и рабы из попавших в плен членов соседних племен, и рабы, специально привезенные из Восточной Африки. Во главе городов и государств стояло сословие шейхов и жрецов. Многие из этих древних сословий Южной Аравии могли в том или ином виде сохраниться до настоящего времени, так как основные принципы социальной организации общества практически не трансформировались.

БРАЧНЫЕ ЗАКОНЫ

К сожалению, антропологическая группа СОИКЭ не имела возможности работать в контакте с этносоциологами и поэтому не может опереться при анализе материала на исследования круга брачных связей.

Однако, брачным отношениям у арабов и, в частности, у населения Южной Аравии, посвящен целый ряд работ этнографов и поэтому можно получить представление о традиционных формах заключения брака у йеменцев и соотнести их с анкетой антропологических бланков (место рождения отца и матери, род отца и матери, кастовая принадлежность).

Для Йемена, а особенно для Хадрамаута, была характерна (и во многом продолжает сохраняться), с одной стороны, внутрикастовая эндогамия, а, с другой стороны, — эндогамия родовая.

Особенно строгие традиции внутрикастовой эндогамии были характерны, по-видимому, для сословий, занимавших верхние ступеньки социальной иерархии. Здесь, как и во многих других арабских странах, был обязательным принцип брачных соответствий (гипергамии): мужчина может брать в жены равную себе или, как исключение, ту что ниже его по рождению, однако женщина должна выходить замуж лишь за того, кто выше ее или равен ей [Родионов 1994].

В книге М.А. Родионова [Родионов 1994, с. 61] в связи с этим цитируется интереснейший документ — фатва, то есть мнение сейида Умара бин

Салима аль-Аттаса, к которому в 1905 г. обратились за советом по поводу заключения брака между женщиной из страты сада, проживавшей в Нидерландской Индии, и мусульманином, который не являлся арабом. В его заключении говорилось о невозможности такого брака ввиду нарушения четырех правил: араб не чета неарабу; курайшит (т.е. человек из племени пророка Мухаммада) не чета прочим арабам; хашимит (т.е. член рода, из которого происходил Мухаммад) не чета прочим курайшитам; потомок Фатимы, дочери Мухаммада, не чета прочим хашимитам.

Если проанализировать анкетный материал, полученный нами в ходе исследований в Хадрамауте, то легко заметить, что для поколения хадрамаутцев, рожденных в колониальное время (самые молодые из обследованных йеменцев родились до 1968-1972 гг.), традиции внутрикастовой эндогамии оставались очень сильными. На 971 обследованных уроженца провинции Хадрамаут оказалось только 14 человек (что составляет всего 1.4%), родители которых принадлежат к различным стратам. При этом среди этих 14 человек только у четырех мать принадлежит более высокой касте, чем отец. Дети женщин, принадлежащих более низким стратам, чем их мужья, считались членами касты и рода отца. Р.Бидвел отмечает [Bidwell 1983], что при браке мужчины из высших сословий с женщиной из касты рабов его дети обладают легитимностью, но, если эта женщина рабыня другой семьи, то дети не легитимны.

Т а б л и ц а 3

Количество браков внутри одного поселения и внутри одного рода в исследованных территориальных группах

Территориальная группа	N	Браки внутри одного поселения		Браки внутри одного рода	
		n	%	n	%
Сейун	175	155	88.6	54	30.9
Шибам	79	56	70.9	23	29.1
Тарим	201	166	82.6	56	27.9
Аль-Катн	100	67	67.0	40	40.0
Хурейда	128	95	74.2	66	51.6
Аль-Абр	57	51	89.5	40	70.2
Мукалла	98	83	84.7	40	40.8
Аш-Шихр	133	117	88.0	51	38.3
Лахдж	138	104	75.4	87	63.0
Ад-Дала	152	118	77.6	83	54.6
Радфан	45	40	88.9	39	86.7
Ханфар	57	42	73.7	38	66.7
Яффи	97	53	54.6	53	54.6
Лоудар	93	76	81.7	63	67.7
Мукейрас	62	49	79.0	35	56.5
Ас-Сайд	117	88	75.2	78	66.7
Аттак	68	53	77.9	52	76.5
Махра-бедуины	98	86	87.8	72	73.5
Махра-побережье	148	132	89.2	72	48.6
Сокотра	33	22	66.7	20	60.6
Северный Йемен	107	77	72.0	70	65.4

Второй уровень регуляции брачных отношений был связан с родоплеменными отношениями. Для многих арабских стран, в том числе и для Йемена, был характерен так называемый ортокузенный брак, то есть брак между патрилинейными кузенами первой или последующих степеней [Smith 1885; Першиц 1955; Наумкин 1988]. Это значит, что для мужчины предпочтителен был брак с дочерью брата отца, реже — с дочерью сестры отца или дочерью брата или сестры матери. Обычай этот во многом объясняется, конечно, проблемами наследования собственности, а также сохранения выкупа за невесту в пределах семьи. А.Буджра [Budjra 1971] приводит следующие суммы выкупа за невесту: в Хурейде члены рода аль-Аттас платили 70 шиллингов за невесту из местных аль-Аттасов, 200 шиллингов за девушку из того же рода, живущую вне Хурейды и до 1 тыс. шиллингов за невесту из другого сейидского рода. Даже из этого маленького примера видно, что предпочтение отдавалось невестам, живущим в том же поселении, что и семья жениха. В работе Р.Смита приводится и такое возможное объяснение этому обычаю: родители не хотели, чтобы их дочери становились матерями потенциальных врагов их рода [Smith 1885, р. 60]. Имеется ввиду очень сильный и широко распространенный среди аравийцев обычай кровной мести, который существовал здесь до середины XX в.

Анализ нашего анкетного материала (табл. 3) показал, что среди обследованных йеменцев 51.8% являются детьми от браков между представителями одного рода (по территориальным группам эта цифра колеблется от 27.9% в территориальной выборке из Тарима до 86.7 % в выборке из Радфана). Еще выше процент браков, заключенных между родителями из одного и того же города или поселения. В среднем он составил 79.1 % (от 54.6% в группе яффи, в которой все обследованные проживали вне своей племенной территории, до 89.5% среди бедуинов аль-Абра).